

И вот прошли еще два года от момента написания, так сказать, первого мемуара. И снова начинают подергиваться флером забвения все события, происходившие в этот период времени, оставляя после себя только отчеты о проведенных нами экспедициях, о выполнении стратегического и полевых планов, отчеты о деятельности спелеокомиссии за определенный период времени. Отчеты, содержащие в себе лишь информацию, пусть даже весьма подробную и внятную, но сухую, короткую, четкую и деловую. Информацию, повествующую о том, что, когда, где и кем было сделано, и оставляющую за краем рассказ о том, как и почему все это выполнялось.

Это вполне понятно и нормально. Подавляющему большинству людей интересны и важны именно материалы проведенных экспедиций. Интересны здесь и сейчас. И мало кому пока еще интересны рассказы живых участников о живых событиях.

Но это — пока. Пройдет десяток лет и нашим же парням станет жгуче любопытно не «что, когда, где и кем», а «почему, кто, как и зачем». И тогда мемуары, которые я пишу, поверьте, с очень большим мозговым и зубовным скрежетом, уверен, окажутся как раз кстати.

Итак – продолжим. С места, на котором остановились в 2008 году. Помнится, это была осень, и мы еще не знали, какие встряски нас ждут в динамичном 2009-м и драматичном 2010-м.

К этому моменту у нас появились другие задачи, которые должны были решаться немедленно. Первой такой задачей было наше возвращение в Алма-Атинский Дворец школьников, бывший когда-то Республиканским Дворцом пионеров. Когда-то именно оттуда все и началось летом 1983 года. Тогда я пришел в него руководителем кружка «Юные спелеологи» и до осени 1991 первоначальная подготовка спелеологов Алма-Аты велась именно на базе отдела туризма РДП, где я был последовательно руководителем кружка, методистом, завсектором и заведомом туризма, обеспечивая полный профит и режим наибольшего благоприятствования в воспитании наших ребят образца «восьмидесятых-девяностых». Все спелеологи Алма-Аты, за очень редким исключением, прямо или опосредованно ведут отсчет своей спелеодеятельности именно отсюда. Это — колыбель, инкубатор, «альма-матер» всех спелеологов города.

Вот сюда для выполнения тех же самых задач у нас и появилась возможность вернуться осенью 2008 года. Не скажу, что я этому был очень рад. Напротив, я точно знал, какой это гадюшник, и с каким противостоянием дружного блока лениво-бездарных внешкольников нам предстоит столкнуться в процессе своей работы. Однако лидеры спелеокомиссии в лице Лобанова, Кривобокова, Чаусова на «соведе стаи» так дружно и решительно меня атаковали, что опять не оставили возможности выбора, и мы таки вошли во Дворец. Через «не могу» и через «не хочу».

Под понятием «войти во дворец» подразумевалось следующее:

1. Отреставрировать и отремонтировать скально-тренажерный комплекс, который был создан нами же в период с 1985 по 1987 годы. За счет спелеокомиссии, естественно, поскольку Дворец не был в состоянии ни восстановить его, ни содержать должным образом. С 1991 года, после нашего исхода из Дворца пионеров, тренажер оказался никому не нужен, а значит, благополучно и безнаказанно разграблен, загажен, заброшен.

2. Наладить в отделе туризма нормальную спортивно-туристскую работу со школьниками города, которой в виду отсутствия специалистов не занимался никто.

3. Организовать подготовку спелеологов на базе отдела туризма, с высокой степенью интенсивности и надежности

И если вторая и третья позиции перечня решались с нашим приходом сами собой, только нашим профессиональным уровнем, дававшим возможность сходу выполнять задачи, в принципе не выполнимые для персонала Дворца, то для решения первой задачи требовались серьезные вложения финансовых, материально-технических и людских ресурсов. Все эти затраты взяла на себя Карстолого-Спелеологическая комиссия, лидеры которой понимали, что иначе ничего не произойдет, поскольку никто другой в этот проект

вкладываться не будет. Кроме того, мы понимали, что затраты на содержание тренажерного комплекса тоже лягут на плечи спелеокомиссии, поскольку Дворец ни восстановить тренажер, ни содержать его должным образом не сможет.

Долго размазывать проблемы мы не стали и, зайдя на тренажер в конце октября, к середине декабря полностью его восстановили. Вечером 12 декабря 2008 года была проведена первая тренировка на восстановленном скально-тренажерном комплексе. И с этого момента до июля 2010 года тренировки на тренажере проводились четко и неукоснительно по расписанию, невзирая на праздничные, выходные и каникулярные дни.

В ноябре, не отвлекаясь от основных задач, мы утвердили полевой план на 2009 год и плавно вошли новый рабочий год.

В феврале мы провели первые соревнования по технике скального лазания и в этом же месяце, опираясь на механический завод АДК, выпустили первую партию универсальной серьги Серафимова (УСС). Мы проверили экспериментально и поняли, что способ бескарабинной фиксации линейных опор посредством УСС не просто хорош, а великолепен, совершенен в своей простоте и изящности, а потому приняли принципиальное решение о применении в нашей технике только бескарабинной навески на серьгу.

Это было наиболее важным и принципиальным техническим решением универсального закрепления линейных опор, которое немедленно изменило в сторону строгого упрощения всю нашу философию работы на вертикали.

Вслед за серьгой на том же заводе мы наладили производство ФСУ «решетка» и в значительной степени решили постепенно накапливающийся дефицит этих видов снаряжения.

Тем временем наступил март, в начале которого мы провели свою первую экспедицию 2009 года. Это была тяжелейшая и, одновременно, очень веселая экспедиция, имевшая целью проверить возможность захода на плато Туюк и Каменный город с юга, тогда, как заход с севера был возможен не раньше июня и, если бы это удалось, то сезон на Туюке можно было бы растянуть до полугода вместо трех месяцев. Однако этого сделать не удалось, и мы откатились в полном расстройстве рядов после трех суток штурма в мороз и буран.

А в конце марта была проведена экспедиция в Ванновку, где мы отогрелись и пришли в себя. Впервые Ванновка была надежно отснята. В результате этой экспедиции мы имеем надежную и точную топосъемку, которая, в свою очередь, показала дальнейшие перспективы развития ходов полости.

Я понимал, что без ясного видения перспектив нашего развития хотя бы на несколько лет вперед мы рискуем либо остановиться и топтаться на месте, либо начать слепое движение по кругу. Нужен был серьезный план, ставящий перед «Каспеко» стратегические задачи, последовательное выполнение которых обеспечивает оптимально-рациональное развитие спелеокомиссии от этапа к этапу. Без такого плана работа любой организации либо, в лучшем случае, сильно замедляется, либо, постепенно затухая, обречено на полную остановку.

Но перспективно-стратегическое планирование невозможно без укрупненного подробного, неторопливого, спокойного и обоснованного анализа по принципу «сверху вниз». От обратного. От большего — к меньшему. На такой анализ требуется время, а потому, задумав план еще в 2007 году, лишь к январю 2009 года я понял, что готов к его составлению. В начале апреля он лег на бумагу, в течение двух недель неторопливо смаковался и корректировался лидерами, потом был выставлен на всенародное обсуждение.

24 апреля «Стратегический план освоения территорий Казахстана поисково-разведывательными экспедициями КаСпеКо» был официально утвержден. План предусматривает постепенное проникновение в интересующие нас районы и освоение их на пятилетнюю перспективу. Это — среднесрочный стратегический план, по результатам

которого к концу 2015 года мы составим пятнадцатилетний долгосрочный стратегический план.

Но в этот же день, 24 апреля, помимо утверждения стратегического плана, нас поджидало и драматическое событие, которое назревало вот уже в течение полугода и в скором времени должно было обязательно прорваться. Я сам спровоцировал этот прорыв, для того, чтобы более не нагнетать психологическую обстановку, все острее и острее воздействовавшую на коллектив.

Суть проблемы стара, как мир и заключается в том, что часть коллектива намеревалась изменить стиль и способы взаимоотношения в коллективе, для того, чтобы в последующем вести его в том направлении, которое они считают наиболее верным. С этим можно мириться до тех пор, пока изменения не касаются рабочих схем и не влияют, соответственно, на саму работу. Дело страдать не должно. В данном случае в качестве смутьянов выступила семья Пивненко. В течение полугода они вносили смуту и раздор, затем, не видя никакой реакции руководителя и расценив это как слабость, решили начать проводить самостоятельную политику внутри спелеокомиссии, уже почти открыто мешая делу.

Понимая, что дальнейшее молчание пагубно отразится на всех нас, я на том же собрании, где был утвержден стратегический план, предложил Пивненко ответить на ряд вопросов, касающихся нашей работы, и их открытого и скрытого противодействия ее успешному осуществлению. Конечно, вопросы были тщательно подобраны и сформулированы. Конечно, удар был беспощаден. Конечно, я не сомневался в исходе. Но — лучше потерять часть, чем потерять все. Таня Пивненко, подумав пару-тройку дней, приняла решение за себя, за мужа и за сына и покинула спелеокомиссию, чтобы организовать свое дело и свой сайт. И в основной сезон 2009 года мы вошли уже без семьи Пивненко.

Начался он в середине июня экспедицией в Туюк. Потом продолжился в июле Туюком. Затем продолжился в начале августа Туюком. И снова продолжился в конце августа Туюком же. Все три месяца лета прошли под лозунгом «Туюк, Туюк, Туюк», так что я не могу у себя в памяти отделить одну экспедицию от другой. Все смешалось. Мы штурмовали Туюк в стремлении закончить поискоразведку района уже в этом году, а неисследованные участки вылезали последовательно один за другим в каждой из экспедиций. Потому, возвращаясь домой для камерального анализа экспедиции, через две недели мы снова оказывались на Туюке. И все же так и не успели его закрыть до конца сезона. Остались два пятна, которые мы закрыли лишь через год.

Завершить сезон сумасшедших гонок мы намеревались Каркарой, к которой тщательно готовились с самого начала года. Выбрали время, когда уже нет выматывающих холодных дождей, еще тепло и, как показывала практика предыдущих экспедиций, еще нет снега. Потому экспедиция была назначена на начало сентября, лучшее время сезона, на Каркаре короткого, как заячий хвост.

Однако, как опять же показала практика, на Каркаре вообще не бывает времени года, в которое можно предугадать погоду. То, чем она нас встретила в этот раз, плохо поддается описанию. Это был шторм, нормальный, настоящий, высокогорный, редкий по своей свирепости и мощи, который накрыл нас у самого подхода к точке базы так жестко и плотно, что мы вынуждены были штормовать в полутора сотнях метров от базы, не в силах дойти до нее. Он скоро кончился, но дело свое сделал. Земля, недавно сухая и зеленая, к утру была накрыта метровым снежным покровом, передвижение по которому было просто невозможно, несмотря на то, что мы в период затишья все же добрались до базы на краю плато Толмачева, весьма комфортно там расположились и к утру вполне были готовы работать. Только плато нас к себе не подпустило, несмотря на то, что мы находились непосредственно на нем, в немногих сотнях метров от «К1» и «Белого Провала». На «Белый Провал» я посмотрел от гребня «Глиняной», перед тем, как отдать

приказ об эвакуации. «К1» находится за гребнем «Провала», так что на него даже и глянуть то было невозможно.

Так закончился полевой сезон 2009, на сегодняшний день самый напряженный и плодотворный в истории «Каспеко». Отличный сезон, состоявший из семи экспедиций. Великолепный, красивый, чудный, мощный, изумительный сезон.

В октябре, под занавес сезона, команда спелеологов приняла участие в соревнованиях по технике альпинизма, организованной федерацией спортивного туризма. Инициатором нашего участия был Леша Осыко. Я не очень люблю все виды соревновательных процессов, поскольку они отнимают много времени и сил для их подготовки, по сути своей, не принося никакой практической пользы в реальных условиях маршрутов, однако, если народ захотел посоревноваться, то почему бы и нет. Кроме того, у меня теплилась надежда, что участие в этих соревнованиях поможет нашему сближению с федерацией туризма, с которой мы никак не можем найти контакта. Алексей самостоятельно подготовил команды из сформировавшихся у нас к тому моменту групп курсантов и самостоятельно же отгонялся. Однако ожидаемого эффекта мы не получили. Я не говорю о результатах соревнований, там ожидания как раз оправдались полностью, я говорю о сближении интересов и намерений спелеокомиссии и федерации. Как и много лет назад, федерация осталась при своих интересах, спелеокомиссия — при своих.

«... Восток есть восток, запад есть запад и им никогда не встретиться...» В наших отношениях с федерацией эта поговорка как нельзя лучше иллюстрирует характер взаимоотношений. В течение последних лет я честно пытался найти точку контакта. Так и не нашел. Нет у нас интересов в совместной работе. И точек соприкосновения — нет, каким бы странным парадоксом это не казалось. Федерации, например, так и кажется. Нам постоянно предлагают сотрудничество, объясняют наши выгоды и интересы. Однако дальше объяснений это не идет. «Каспеко» — организация самодостаточная и не нуждающаяся в чьей-либо поддержке. Работать на федерацию для того только, чтобы считаться ее членом и кроме этого звания ничего не получать взамен — это слишком большое напряжение для нашей прагматичной политики, как внутренней, так и внешней. Мы по-прежнему готовы работать с федерацией. Но только на равных и за интересы. А федерации по-прежнему нечего нам предложить.

Между тем наша подготовка курсантов стала приносить свои, весьма ощутимые результаты, и к концу года стало понятно, что держать их на коротком поводке уже не следует. Год интенсивных тренировок сделал свое дело, и мы получили весьма и весьма добротные подготовленные курсанты, очень хорошо владеющих практической спелеотехникой. Пора было выпускать. Иначе прорвутся сами.

К концу декабря была подготовлена программа очной теоретической подготовки нашей молодежи и с февраля мы начали неторопливо реализацию первого учебного плана курса НТП.

Так, в тренировках и интенсивных занятиях почти незаметно подошел сезон 2010 года. Начинаясь он мартовской поискоразведкой на Боралдай. Казалось бы — странно, выполнять заново поискоразведку давно найденного района, однако в нашем случае это было именно так. В очень давние восьмидесятые годы ситуация сложилась так, что разработкой Боралдая занимался Володя Толмачев со спелеогруппами, составленными из разных городов СССР. Со временем к нему примкнул клуб Плутония, отделившийся от Алма-Атинской городской спелеосекции, который он курировал. Вместе с Толмачевым в районе серьезно работал Усть-Каменогорский спелеоклуб Сумган. Я же, в процессе подготовки курсантов нашего первого поколения, занимался исследованиями Улучура, Сусингена, Угама, Южно-Уральскими и Восточно-Саянскими экспедициями. И получилось так, что на Боралдае никогда не был не только я, но и все ныне действующие спелеологи «Каспеко». Материалы по Боралдаю хранились и хранятся на руках у Дениса Хохленко, Леша Кравченко, Тани Пивненко. Я обратился к ним с просьбой поделиться интересующей нас информацией еще в августе 2009 года. Не скажу, что был удивлен

ответом. Однако была надежда, что ребятам хватит ума и выдержки не путать личные отношения со мной, ими самими испорченные не так давно, с деловыми отношениями. Нет. Ума не хватило. Кравченко вдруг заявил, что у него ничего нет, Пивненко по слабости женской прикинулась, что ничего не знает и лишь Хохленко объявил честно, что «...сядет на материалы и ничего не даст...».

Ну что же, ребята потеряли честь, а я обратился очень далеко, в Израиль, в Хайфу, где теперь жил председатель Усть-Каменогорского спелеоклуба Сумган Костя Серафимов. И мой старый заклятый друг Костя, с которым нас связывают долгие и очень непростые отношения, гораздо более сложные и жесткие, чем с недозревшими соратниками, добросовестно и тщательно приступил к выполнению поставленной задачи. Два месяца он подбирал и систематизировал свои архивы, составляя подробные описания Боралдая, подходов, подъездов, координат полостей, точек баз, примет, направлений и всего прочего, что он знал и что мог найти.

И в результате к октябрю 2009 года мы получили, возможно, самую полную информацию по району Боралдай, собранную за период с 1976 по 1985 год. А большего нам и не надо было.

Однако использование всей этой информации в марте нам не потребовалось. Проанализировав материалы Серафимова, мы поняли, что на Боралдае до начала лета нам делать нечего. И решили в марте пощупать гору Улькентура, которая лежала чуть в стороне от Боралдайского плато и для серьезного исследования которой в предыдущие экспедиции «восьмидесятых» не хватало времени и сил. Так она и стояла у начала Боралдайских ворот, в полутора километрах к востоку от северного варианта маршрута подхода к основному району Боралдая. Мы ее отработали поиском в течение мартовской экспедиции, нашли в теле горы полости, посмотрели с расстояния в пять километров на плато Боралдай. И, самое главное, впервые в реальных условиях экспедиции обкатали наших курсантов. Кроме того, мы поняли, что, что в отличие от основного района, Улькентуру лучше всего обрабатывать именно весной, в марте-апреле, когда уже почти нет снега, везде много воды и еще не наступила пора ужасающей Боралдайской жары.

Вернувшись домой, я начал подготовку к серии Каркаринских экспедиций, запланированных на лето и еще не знал, что этим экспедициям не суждено состояться ни одной. Даже в начале апреля, наблюдая в новостных каналах осторожные репортажи о событиях в Оше и Бишкеке, я не предполагал, что это нас как-то заденет. Но приехав в разрешительный отдел управления миграционной полиции за пропусками в пограничную зону, я получил вместо них отказ. В Киргизии — революция. Очередная цветочная. И, как следствие, полное закрытие границ с Киргизией по всему ее периметру. Надолго.

Это был форс-мажор. Полный, поскольку 80% наших сил планировалось затратить на Каркару, лежащую точно в створе погранполосы между Казахстаном и Киргизией. В течение лета мы должны были провести на нее три массивированные экспедиции, такие же, как в прошлом году на Туук, с целью полностью закрыть район по поискоразведке.

«...таких ударов великий комбинатор не испытывал давно...». Этой фразой можно наиболее точно описать мое состояние в апреле 2010 года. Нужно было пересматривать полевой план на предмет его изменения. Мы это сделали, но лето пропало. Вместо летней Каркары с осени на лето мы перенесли Боралдай. Но лето все равно пропало. И из этого пике мы благополучно выровнялись только глубокой осенью, сгруппировавшись, наконец, на первых Джунгарских экспедициях, которые планировалось проводить только в 2011 году. Но которые мы решили проводить уже осенью 2010 года, после летнего Боралдая.

Потребовалась довольно продолжительная полоса затишья, для того, чтобы мы пришли в себя. Но зато в августе большую Боралдайскую экспедицию мы провели мощно, динамично и собранно. По своей сути для всех участников это был первый выход в незнакомый район, где мы без всякой предварительной адаптации с первых же часов начала экспедиции и до крайнего вечера окончания работали скупно, прагматично и

эффективно. В результате был выполнен гигантский объем работы. Найдены оптимальные подходы-подъезды в район. Определены зоны залегания карстовых пород и, соответственно, огранены границы карстовых участков плато. Определены зоны тектонических разломов и их простирание. Определен тип карстовых процессов каждого из участков. И, понятно, выполнены прохождения полостей. Но прохождения делались просто для удовольствия, а не из-за спортивного интереса. Кто хотел, и насколько хотел, тот так вниз и сходил. Для удовольствия и для ознакомления.

Но летом, еще до Боралдайской экспедиции, нас подстерегла еще одна неприятность. Наше джентльменское соглашение с Дворцом школьников дало трещину. Мы настолько хорошо осуществляли свою деятельность, что она стала слишком заметна на фоне общей нищей серости учебно-воспитательной работы Дворца. Понятно, нас все время пытались подрывать. Понятно, нас все время пытались нагрузить. Понятно, на нас все время пытались выехать. Ну и, понятно, мы все время сбрасывали с себя непрошенных седоков. Результат был известен заранее. И в июле мы вынуждены были прекратить работу во Дворце. Ушли сразу, ни с кем не советуясь, ни о чем не договариваясь, никого не предупреждая. В декабре нас попросили вернуться. Мы снова выдвинули условия, при которых возможно сотрудничество. Если администрация Дворца на них пойдет, мы вернемся и продолжим работу на этой базе. Если нет — так и без них управимся.

В начале октября дополнительной экспедицией в Туюк мы закрыли полностью поискоразведку Туюка. С прошлого года у нас в районе оставалось два пятна, не исследованных нами до сих пор. Это северный надвиг Комирши и южная стена Кетменя. В течение этой короткой экспедиции мы исследовали названные участки, получив отрицательный результат. Все. В октябре 2010 года поискоразведка района, занявшая у нас три года, была полностью завершена. Теперь на Туюк-Темирлик будут направляться только рабочие экспедиции с задачами раскопов, обнаружений ходов и прохождения полостей в районах плато Туюк и плато Каменный город. Это тоже знаменательное событие. Впервые с чистой совестью мы можем заявить «поискоразведка района полностью завершена». Сколько времени и сил она отняла вспомнить страшно. Но завершена. Через столько лет от начала исследований мы полностью закрыли район.

А между тем осенью мы определились, как будем заходить в Джунгарию. Первоначально стратегический план предусматривал наш заход с севера, чтобы выйти сразу на центр района в 2011 году. И лишь после этого, уже в 2012 году, в зависимости от результатов первого касания думать, в какую сторону развивать поиск. Но, поскольку оперативная обстановка сложилась так, что, скорее всего нам и в следующем году тоже не удастся попасть на Каркару, то мы при предварительной верстке полевого плана решили ускориться с нашим выходом на Джунгарию. Это означало, что уже сейчас необходимо срочно определять плацдармы для начала Джунгарской поискоразведки не 2012, а 2011 года.

Вот тут-то, под конец сезона и началась гонка. Времени на подготовку северного варианта уже не оставалось. И мы решили готовить вторжение с юга. В октябре-ноябре были проведены четыре рекогносцировочные и поисково-разведывательные экспедиции в район, который мы условно-предварительно назвали «Когалы». Как и в прошлом году на Туюке, у меня все они опять слились в одну непрерывную цепь гор, подъездов, возвращений, прорывов через снег, холода, желания поспать и отогреться. В крайнем ноябрьском маршруте мы в буквальном смысле уносили ноги из района, наблюдая, как район наваливается буран.

Но свои задачи эти экспедиции выполнили. И в сезон 2011 года «Каспеко» начнет осваивать Джунгарию.